

расширение использования колоколов в Церкви, хотя это в определенной степени противоречило существовавшему Уставу богослужения (как Студийской, так и Иерусалимской традиции), который вообще не предусматривал использования колоколов. Каково было реальное положение по объёму производства и количеству колоколов на территории Руси в течение XI–XVII вв. в условиях резкого дефицита добычи и закупок исходных материалов — меди и олова? Как влияла на этот процесс гигантомания в колокольном деле? Почему, несмотря на влияние иностранного опыта, колоколотейное дело в России приобрело чисто русские национальные черты (русский профиль и внешнее офор-

мление колоколов, русский (язычный) способ звона, русский ритмический характер канонических церковных звонов). Ответы на эти вопросы ещё предстоит дать исследователям.

В заключение хотелось бы выразить уверенность, что данная монография займет достойное место в истории колокольного искусства в России, привлечет внимание как отечественных, так и зарубежных специалистов и станет хорошим подарком для всех, кто интересуется отечественной историей, её духовным наследием и традициями православной культуры.

**В.Г. Шариков, А.Н. Гусева,
М.А. Иванова**

Дело Т. Анкундинова. Европейский авантюрист из Московии. Составитель Д.В. Лисейцев. Под ред. Д. Свака. Budapest, Russica Pannonicana, 2011. 314 с.

В 2011 г. в Будапеште увидел свет сборник материалов на русском и венгерском языках, подготовленных к публикации старшим научным сотрудником Института российской истории РАН доктором исторических наук Д.В. Лисейцевым, посвящённых судьбе одного из многочисленных самозванцев XVII в. Тимофея Анкундинова. Книга вышла под редакцией профессора Дюлы Свака, известного венгерского исследователя, специалиста по российской истории, руководителя Центра русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвеша, и продолжает традицию издания документов, освещающих деятельность российских лжемонархов¹.

Сборник открывается статьёй Д. Свака «Европейский авантюрист из Московии», в которой подробно анализируется специфика русского самозванства. Рассматривая традицию его изучения в России, автор справедливо отмечает, что это явление нельзя отнести к числу излюбленных исследовательских тем российских историков. Охарактеризовав взгляды на данный феномен К.В. Чистова, Б.А. Успенского, М. Перри, П.В. Лукина, О.Г. Усенко, Свак заключает, что в выступле-

ниях самозванцев в XVII в. решающее значение имела противостоящая официальному порядку идеология, остававшаяся в русле доктрины о «хорошем царе» (с. 13). Констатируя, что российское самозванство в XVII в. опиралось в целом на широкую социальную базу, венгерский историк особо выделяет роль казачества в формировании и функционировании этого явления, которое, по мнению автора, «могло быть в определяющей степени казацким изобретением в момент его возникновения» (с. 15). Верно замечает автор и то, что казачество в силу своих особенностей являлось наиболее естественной средой для самозванцев, характерной чертой которых являлся сознательный обман населения. Таким самозванцем был Лжедмитрий I, который при помощи своих польских советников смог «сакрализировать обман», выработать версию своего «чудесного спасения» и стать в итоге «предметом религиозного поклонения масс». Самозванческая легенда превращается в серьёзное идеологическое оружие, подрывающее доверие к правящему монарху, на место которого претендует самозванец. Этот процесс протекает в рамках вполне традиционной идеологии (с. 18–19).

Свак выделяет несколько социальных слоев, по-разному воспринимавших появление самозванцев. Значительная часть населения видимо, поначалу совершенно искренне верила легендам, надеясь на «хорошего» царя, который бы смог облегчить жизнь простых людей. Другая группа хотела верить самозванческой легенде. И, наконец, третья группа включала в себя тех, кто ясно видел обман, но воспользовался крившимися в нём возможностями. Казачество, по мнению автора, следует отнести «скорее ко второй (если не третьей) упомянутой выше группе» (с. 19).

Вслед за Лжедмитрием I постоянно пытался доказать свою «легитимность» и Лжедмитрий II. Это проявилось в организации им в тушинском лагере второй столицы, своей Боярской думы, провозглашении своего предстоятеля Церкви и т.д. Свак отмечает и отличия между самозванцами Смутного времени и их преемниками, действовавшими позднее. Самозванцы эпохи первых Романовых не пользовались техникой «обмена местами». Кроме того, мнимые дети царя Василия Шуйского, одним из которых объявил себя герой рецензируемого издания, действовали вне пределов России, и, следовательно, не пользовались поддержкой внутри государства. В соответствии с этим автор справедливо констатирует, что, не имея социальной опоры в России, такие авантюристы-мошенники, к числу которых следует отнести и Тимофея Анкундинова, «ничего не добавили к идеологии самозванчества и ожидали от неё не мобилизующего эффекта, а временного обоснования тех личных выгод, к которым они стремились» (с. 21). Несмотря на это обстоятельство, самозванство как явление продемонстрировало свою «живучесть» в России и в XVIII, и в XIX столетиях.

Особое место в работе Свака отводится сравнительному анализу личностей Лжедмитрия I и Тимофея Анкундинова, у которых историк находит много общего. Это и социализация в церковной среде и при этом беспринципное отношение к религии, и неплохое образование, которое получили оба самозванца, жизнь среди

казаков, поиск зарубежных покровителей, неразборчивость в средствах, и т.д. Одним из ключевых различий между ними Свак считает то, что Анкундинов, будучи, безусловно, неординарной личностью (автор даже именует его «редкой на русской почве фигурой “ренессансного” типа»), «жил на полвека позже своего предшественника, когда русские власти уже были умудрены опытом первого самозванчества, да и международная ситуация изменилась в их пользу». Это обстоятельство, по мнению исследователя, и обрекло Анкундинова на поражение.

Самостоятельное научное значение имеет и статья Д.В. Лисейцева, представляющая картину приключений талантливого и одаренного самозванца, которого автор справедливо именует «детищем Смуты». Не ограничившись пересказом известных в исследовательской литературе фактов биографии Анкундинова, Лисейцев представил научное исследование, в котором уточнил ряд фактов в «одиссее» авантюриста и выдвинул несколько новых предположений. Так, по его мнению, будущий самозванец родился 3 июня 1618 г. в Вологде и происходил из провинциального посадского люда. Не исключает исследователь и возможности внебрачного происхождения Анкундинова. Это во многом может объяснить как особое отношение к нему со стороны местного архиепископа Варлаама, так и хорошее образование Анкундинова, его будущие притязания на высокое происхождение и отказ признать собственных родителей. Вызывает сомнение у автора и достоверность утверждения самого самозванца о его службе подьячим в Вологде.

Весьма подробно рассмотрен автором и московский период жизни Анкундинова. В столице будущий самозванец служил в Кабачком приказе. В этот период он мог быть свидетелем возвращения в Москву в 1635 г. останков умершего в Польше царя Василия Шуйского. Чуть позже, в 1638 г., после смерти младшего брата царя Василия – боярина И.И. Шуйского, пресёкся этот древний княжеский род. Лисейцев не исключает, что под влиянием этих событий у молодого подьячего «появились первые мысли о возможности выдать себя

за отпрыска угасшей боярской фамилии» (с. 31). В статье уточняются и некоторые детали приказной деятельности будущего самозванца: автор выяснил, что тот служил в Приводном столе приказа и пользовался покровительством дьяка И. Патрикеева. Отмечая незаурядные способности Анкундинова, человека начитанного, писавшего стихи, занимавшегося астрологией, историей и другими науками, Лисейцев подчёркивает огромное честолюбие этого человека, отличавшегося к тому же беспринципностью. Все эти качества Анкундинова в своей совокупности сделали его, по мнению автора, «самым заметным из русских авантюристов середины XVII века» (с. 33).

Из-за служебных злоупотреблений (кражи казённых денег) Анкундинов бежал из Москвы. Желая замести следы, он поджёг свой дом. Вместе со своим сослуживцем К. Конюховым авантюрист направился сначала в Тулу, затем в Новгород-Северский и Краков. Проанализировав данные источников, Д.В. Лисейцев приходит к выводу, что Анкундинов оставил Москву в конце 1643 г. (с. 34–36). В Польше беглец стал выдавать себя за Ивана Васильева сына Киразейского. Происхождение этой вымышленной фамилии автор объясняет её составлением при помощи так называемой простой литореи – одного из самых распространенных способов тайнописи. В итоге «Киразей» – ни что иное, как собственное крестильное имя авантюриста – Тимофей. Из Польши Анкундинов выехал в Трансильванию, надеясь получить поддержку местного князя Дьердя I Ракоци. Именно в Венгрии, по предположению Лисейцева, он впервые объявил себя потомком Василия Шуйского. Не добившись покровительства в Венгрии, а затем в Валахии и Молдавии, самозванец отправился ко двору турецкого султана Ибрагима, который пытался некоторое время использовать Анкундинова для давления на Россию. Однако вскоре турецкие власти охладели к мысли привлечь самозванца к политической игре, и он, видимо, почувствовав это, несколько раз пытался бежать из Стамбула. Третья попытка побега увенчалась успехом, и самозванец добрался до Италии, где даже принял католичество.

Затем Анкундинов вновь оказывается во владениях польского короля. Радужный приём ему оказали запорожцы и сам гетман Б. Хмельницкий. Всё это время правительство царя Алексея Михайловича безуспешно требовало выдачи самозванца. Анкундинов был вынужден оставить владения Речи Посполитой и направился в Швецию, а затем в Прибалтику, где его вновь преследовали агенты московского правительства. Самозванец отправился в Голландию, где он вновь сменил вероисповедание, затем в Данию и Германию. Наконец, в 1652 г. авантюрист был задержан на территории герцогства Шлезвиг-Гольштейн, владетель которого Фридрих в обмен на возвращённый ему русско-голштинский договор 1636 г. выдал Анкундинова российским властям. После десятилетних скитаний по Европе самозванец был доставлен в конце 1653 г. в Москву, а затем казнён.

Особый раздел книги составляют расположенные в хронологической последовательности документы из фондов РГА-ДА, по преимуществу, сохранившиеся от делопроизводства дипломатического ведомства Московского государства – Посольского приказа, в которых представлена биография и деятельность самозванца. По своему видовому разнообразию публикуемые Д.В. Лисейцевым материалы включают выдержки из статейных списков, грамоты, письма, авторами которых являлись как представители официальных московских властей, так и сам самозванец. Следует признать, что некоторые из них публиковались и ранее². Однако именно документы организации, которая занималась розыском и поимкой самозванца – Посольского приказа, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот, наиболее полно позволяют проследить основные вехи биографии Анкундинова с начала его путешествий по Европе и вплоть до насильственного возвращения в Москву. Тексты источников снабжены примечаниями, которые имеют самостоятельное значение. Несомненно, и новая книга внесёт большой вклад в разработку истории российского самозванства.

В центре Европы, в Будапештском университете им. Лоранда Этвеша, существует островок русистики. Здесь, наряду с научными проблемами сегодняшнего дня, интересующими политиков и экспертов, венгерские учёные вместе с коллегами из России и других европейских стран, американских, а теперь и китайских университетов, обсуждают историю Древней и допетровской Руси, региональную историографию и проблемы краеведения³. Глава центра профессор Дюла Свак, стажировавшийся некогда под научным руководством Р.Г. Скрынникова, остаётся верен выбранной теме – истории Московского царства XVII в. Свидетельством интереса к феномену самозванства, также изучаемому профессором Сваком, стала одна из недавних организованных им научных конференций на эту тему⁴, а также рецензируемый сборник документов.

Об обстоятельствах появления и перипетиях судьбы самозванца Тимошки Анкундинова, называвшегося на рубеже 1640–1650-х гг. то сыном, то внуком царя Василия Шуйского, до сих пор было мало что известно, хотя интерес к нему возник у историков давно, начиная с отстоящей от нас на полтора века «Истории» С.М. Соловьёва. И вот теперь, благодаря Будапештскому центру русистики, специалисты по истории Московского царства имеют возможность вернуться к некогда громкому, но забытому «делу» одного из немногих самозванцев, получивших европейскую известность в XVII в. Публикация документов на русском и венгерском языке подготовлена в этом издании почти с исчерпывающей полнотой и, возможно, привлечёт внимание историков из других стран, где в дипломатической переписке тоже должны остаться архивные «следы» присутствия самозванца из Московии (Голландия, Дания, Польша, Турция, Швеция).

Концепция рецензируемой книги содержится в её подзаголовке «Европейский авантюрист из Московии», одновременно являющемся и названием вступительной статьи профессора Д. Свака. В предисловии дан обзор основных современных подходов к изучению истории русского

самозванства в XVII в. Мимо этой темы не проходил ни один исследователь эпохи Смуты. Ещё В.О. Ключевский говорил в своём «Курсе русской истории», что «самозванство было удобнейшим выходом из борьбы непримиримых интересов, взбудораженных пресечением династии: оно механически, насильственно соединяло под привычной, хотя и поддельной, властью элементы готового распасться общества, между которыми стало невозможно органическое, добровольное соглашение»⁵. В советской парадигме все самозванцы от Лжедмитрия до Е. Пугачева всегда оказывались, в терминах эпохи, «социально близкими». У основателя большевистской историографической школы М.Н. Покровского в 1920-х гг. можно было даже найти сравнение первого Лжедмитрия с... Лениным. Даже на излете существования советской историографии, в 1980-е гг., историки всё равно искали связи самозванцев с «народными движениями». По мнению Р.Г. Скрынникова, Лжедмитрий был посажен на трон «восставшими массами»⁶. Популярной среди историков (особенно после трудов К.В. Чистова) оказалась идея социального утопизма и веры в «доброе царя», проявлявшихся в самозванстве. «Всё же предпочтительнее считать народ доверчивым, подверженным обману, чем разобрататься в уроках самозванчества», – констатирует профессор Свак (с. 12–13). Из современных исследований профессор Свак справедливо выделил работы Б.А. Успенского, связавшего самозванство с представлениями о «божественной природе царской власти» (с. 13). Впрочем, термин «инспирирующая», применительно к концепции этого выдающегося лингвиста и историка культуры, лучше было бы перевести как «вдохновляющая».

В современной историографии профессор Свак отмечает тезис о связи между самозванством и казачеством: «При таком подходе, – пишет он о самозванстве, – это уже не столько утончённая идеологическая конструкция, сколько продукт грубого, склоняющегося к цинизму прагматизма» (с. 17). Действительно, историки склонны преувеличивать значение движения само-

званцев и не всегда правомерно связывать их появление то с монархическими иллюзиями, то с народными верованиями и протестом. Возможность таких трактовок профессор Свак не отрицает, и даже оговаривается (впрочем, не без доли иронии), что допускает «утончённость» идеологии самозванства (с. 17). Однако он считает построения историков «вторичными». По его мнению, сначала при появлении самозванцев всё равно существует «неприкрытое мошенничество», «трюк», и только потом от казаков самозванцы попадают в руки «политиков». Завершал эволюцию самозванства «обмен местами» легитимного и нелегитимного царя (с. 19–20). Подобная модель самозванства, по мнению Свака, действовала во времена Смуты и применима к Лжедмитрию I и Лжедмитрию II. В дальнейшем она уже не работала, так как лжецаревичи 1630–1640-х гг. «не пользовались никакой поддержкой в России», а «некоторое значение» имел лишь один Тимошка Анкундинов, завоевавший сомнительную славу «международного мошенника» (с. 19–21).

Попытка универсального объяснения истории самозванства всё-таки неизбежно приводит любого автора к схематизму в построениях. Самозванцы начинают представляться только «отпетыми мошенниками» или игрушками в чужих руках. Их собственный почин и расчёты уже не принимаются во внимание. Например, вряд ли можно сравнивать двух главных самозванцев, носивших имя Лжедмитрия. Ведь один достиг искомой власти, а другой – нет. Второй Дмитрий – дважды самозванец, использовавший и имя царевича Дмитрия, и того, кто царствовал его именем. Особая история была связана с «царевичем» Петром, он был «выкрикнут» в казачьем круге на Терках, но «политиков» в его окружении так и не было заметно на всем пути этого самозванца до самого пленения войском царя Василия Шуйского в Туле. Спорной представляется и история появления третьего Лжедмитрия, интересы которого трудно соотнести с какой-то одной социальной группой. Мало что известно о других самозванческих историях Смуты. Скорее всего, каждый раз мы имеем дело с уникальной историей, с казусом, в котором пересекаются и преломляются

общие тенденции и представления эпохи. Разобраться в них иначе, чем следуя справедливому призыву профессора Свака к «прочтению имеющихся источников» (с. 17), невозможно. Однако «правдоподобие» и «прагматический» взгляд историка тоже не могут стать главным критерием оценки фактов. Хотя бы из-за разницы восприятия действительности, в том числе выраженной в стилистике и формулировках документов. На упадок самозванства в XVII в. можно посмотреть не только как на развитие одной идеи, но и как на результат целенаправленной политики по укреплению легитимности власти⁷, что прекрасно иллюстрирует публикуемое дело Тимофея Анкундинова.

Статья Д.В. Лисейцева посвящена раскрытию «одиссеи» самого заметного «русского авантюриста середины XVII столетия». Тема эта прямо связана с научными интересами публикатора, известного своими исследованиями по истории Посольского приказа и эволюции приказного строя Московского царства. Лисейцев во вступительной статье тщательно реконструировал сложные перипетии биографии и службы подьячего Кабацкого приказа Тимофея Анкундинова, его появления то в одной стране, то в другой. Московский самозванец смог привлечь внимание к своей персоне правителей, дипломатов и чиновников из разных стран. Среди них венгерский король Дьердь I Ракоци, турецкий султан Ибрагим и его великий везирь Салих-паша, шведская королева Христина и колыванский губернатор Эрик Оксенштерна, польский король Ян-Казимир, киевский воевода Адам Кисель и гетман запорожцев Богдан Хмельницкий (подробные комментарии Лисейцева позволяют легко ориентироваться в этом калейдоскопе имён и обстоятельств). Не многие выходцы из Московии смогли заставить говорить о себе при дворах целого ряда монархов Европы и Азии, кроме разве что первого Лжедмитрия (но ему, в отличие от Анкундинова, не пришлось побывать почти во всех этих странах).

Открывают публикацию важнейшие для понимания истории Тимошки Анкундинова документы, написанные им самим, в частности, его грамота русским послам

в Константинополе (№ 2, с. 65–74). Это настоящее пособие для истории самозванства. Самозванец ссылаясь на имеющиеся у него на теле признаки царского происхождения – «на правой руке белег», который «в планетных книгах знаменуется в лицах» (к сожалению, в комментариях отмечен только интерес Анкундинова к астрологии, и читатель остаётся в неведении, что же это за «белег»)⁸. В послании самозванца перемешивались достоверные свидетельства и его собственные домыслы. Вплетая их в свои велеречивые рассуждения, он выстраивал необходимую ему картину, в которой сам себя представлял жертвой обстоятельств и перекладывал вину на «злодейного царя Михаила» и его сына – Алексея «митрополитанчика» (с. 66). Самозванец намеренно связывал со своей вымышленной историей достоверные обстоятельства правления Михаила Федоровича, в которых ярко проявлялось «нестроение» последних лет его царствования. В грамоте русским послам в Константинополе Анкундинов, писал, например, об истории, случившейся в 1641 г. с выступлением уездных дворян и детей боярских в Москве после того, как стольник князь Семён Урусов расправился на своём дворе с одним из них. История эта оказалась настолько известной, что вошла в продолжение «Нового летописца», где жертвой князя Урусова называли некого «муромца сына боярского», которого он «медведем травил»⁹. Тимофей Анкундинов называет имя этого «дворянина» – Семён Кривцов¹⁰, который якобы, «будучи за столом у стольника князь Семена Урусова, пил чашу за наше здоровье, титулуя нас отчием Московского царства» (с. 68). Опалу своего покровителя, дьяка приказа Новой чети Ивана Патрикеева (под его началом проходила служба Тимофея Анкундинова в Москве), самозванец тоже представлял как причину своего побега из Москвы, хотя до Анкундинова в этот момент никому не было дела, все трудности дьяка Патрикеева объяснялись неудачей датского посольства, в состав которого он входил.

Большинство документов сборника показывает, как тщательно, с использованием дипломатических средств, был организован поиск самозванца в Турции,

Швеции, Речи Посполитой, Дании и Нидерландах. К поиску и поимке самозванца были подключены даже новгородские и псковские купцы, торговавшие с западноевропейскими городами и традиционно привозившие необходимые московскому правительству «вести» из зарубежных стран. По наказам послам и другим документам Посольского приказа можно детально проследить правительственную версию событий. История Тимофея Анкундинова начиналась с ухода «в Литву», или в Речь Посполитую. Самозванный потомок («последие») князей Шуйских прямо говорил, что вдохновлялся именно историей Лжедмитрия I: «Княжа Тимофей, именованный Иван, сын царя Василья Шуйского, взирая и подобая брату своему царю Дмитрею...» (с. 70). Анкундинов, родившийся больше десяти лет спустя после времён правления «царя Дмитрия Ивановича», решил пройти путём самого известного самозванца. Неосторожная избыточная похвала вологодского архиепископа Варлаама, называвшего юного Тимофея Анкундинова «княжским рождением и царевою палатою», навела того на мысль, что «будто он впрям честного человека сын» (с. 162). Дальше же, в соответствии с логикой самозванства, сын вологодского посадского человека отрёкся от своих родителей. Отец был у него, по словам расспросных речей, «мнимой», именно его Анкундинов под пыткой обвинил в том, что «научил де его называться Шуйским князем». Свою мать, ушедшую в монастырь старицу Стефаниду, он не признал даже во время очной ставки на следствии: «та де старица ему не мать, матери его сестра родная, а была де до него добра вместо матери» (с. 163). Он уходил из Москвы, сжигая, в буквальном смысле, всё, что связывало его с прошлым. Позднее Анкундинова обвинили ещё и в том, что при побеге он убил жену и запалил свой дом.

Оказавшись за пределами Московского царства, Тимофей Анкундинов «раскрывается» в своих речах и делах. Пожалуй, тот обличительный пафос и свобода, с которой самозванец касался больных тем новой московской династии, начатой в обстоятельствах Смуты, могли производить впечатление на современников.

Например, происхождение Романовых им искажалось и велось от «московских купеческих людей Юрьевых» (с. 71). Добавим к этому известный литературный талант самозванца, умевшего слагать вирши, и картина получится полной. Современникам трудно было удержаться и не разделить сетования Тимошки Анкундинова: «О Москва, мати клятвопреступления! // Много в тебе клопотов и нестроения», «Коль тятшко от бояр народу и тесно...», «Только сами ся изобильно обогатили, // Военный ж чин ни во что наменили» (с. 71–74). Для самозванца все эти слова, конечно, были не более чем средством достижения ведомых лишь ему одному целей.

Интересно, насколько живы были ещё воспоминания о прошедшей Смуте. Изобличавшему самозванца при турецком дворе Степану Васильевичу Телепнёву Тимофей Анкундинов намекал на какие-то обстоятельства гибели (в пожаре 1611 года?) его отца – думного дьяка Василия Телепнёва, служившего во главе Посольского и Поместного приказов, одного из временщиков царствования Василия Шуйского (с. 69 и комм. 29). Боярина князя Семёна Васильевича Прозоровского, начинавшего службу кравчим в приближении у царя Василия Шуйского¹¹, самозванец пытался привлечь на свою сторону, послав ему в Путивль грамоту, подписавшись «князем Иваном Шуйским». «Не тайно есть тебе о разоренье московском, о побоищах межуусобных, о искорененье царей и их царского роду, и о всякой злобе лет прошлых», – писал Анкундинов путивльскому воеводе в 1650 г. Интересно, что, изобретая собственный этикет, беглый подьячий обращался в письме к «боярину и сановнику (характерная новизна. – В.К.) славнаго царства Московского». В обращении Анкундинова к воеводе князю С.В. Прозоровскому содержится яркая характеристика порядка ведения дел в Русском государстве, не оставлявшего места для проявления личной инициативы: «Ведаю и сам московский обычей, что захочешь писать к Москве о указе тепере переже дела. И так то пройдет на протяжку в долгой ящик» (с. 90–91). И опять, обличая, он использует этот приём, чтобы добиться немедлен-

ного ответа царского боярина, сделав его тем самым соучастником своей интриги.

Правительство Алексея Михайловича боролось против самозванца всеми возможными средствами. Оно также ссылалось на свидетельства людей, которые были хорошо осведомлены об обстоятельствах правления Василия Шуйского. Например, новгородским воеводой, организовывавшим сыск беглецов за пределами Московского государства (вместе с Тимофеем Анкундиновым бежал его приятель Константин Конюхов), был не кто иной, как родной брат бывшей царицы Марии Шуйской – князь Юрий Петрович Буйносов-Ростовский. Убеждая шведскую королеву Христину помочь розыску самозванца, в Посольском приказе ссылались на свидетельства Якоба Делагарди, которые при желании можно было легко получить шведскому двору: «потому что блаженные памяти при великом государе царе и великом князе Василье Ивановиче всеа Руси был он на Москве многое время и его царского величества милость к себе видел и ведаёт подлинно, что у царя и великого князя Василья Ивановича всеа Руси сына не бывало» (с. 123). Вообще необходимость доказательства того, что самозванец был действительно самозванцем, всегда становилась ахиллесовой пятой правительственной аргументации. Как это было, например, во времена Бориса Годунова, тоже стремившегося убедить соседние государства, что у сына последней жены Ивана Грозного, не могло быть никаких прав на престол. Не случайно, в наказе гонцу в Данию в 1652 г. (по сравнению с более ранним наказом гонцу Янглычу (Енгальчу?) Челищеву в Швецию) слова об отсутствии возможного потомства у царя Василия Шуйского были усилены. В них уже прямо говорилось не только о том, что у этого царя не было сыновей (ведь составители прежних наказов умолчали об его дочерях, умерших одна в младенческом, а другая – в детском возрасте), но и о том, что «внуку было быти не от ково» (с. 150).

История появления самозванца Тимофея Анкундинова очень показательна, потому что связана с очевидным кризисом, в который попало Московское царство в 1640–1650-х гг. Из документов сборника

видно, что русские люди к этому времени ещё не забыли времена Смуты. Как и Лжедмитрий I, Анкундинов явно был незаурядным человеком, пытавшимся в своих интересах использовать не устоявшуюся традицию престолонаследия в Русском государстве. Все таланты самозванца при этом были направлены на «подправление» действительной истории, так как выбранные им средства достижения цели построены на выдуманных обстоятельствах. Это неизбежно привело к гибели самозванческого замысла Тимошки Анкундинова, дерзнувшего назваться царским именем. У мнимого «сына» или «внука» Василия Шуйского не было ни единого шанса на воцарение. Последним документом в деле Анкундинова оказалась запись расспросных и пыточных речей самозванца в московском застенке.

Книга, вышедшая в свет в Будапеште благодаря поддержке Центра русистики Университета им. Лорана Этвеша, демонстрирует возможности сотрудничества в деле академических публикаций документов по истории России. Издатели и публикаторы достойно выполнили свою работу и раскрыли многие тайны запутанной истории Тимошки Анкундинова. Такие издания документов по истории Московского царства XVII в. желательно сделать целенаправленными, возродив некогда существовавший в структуре Института российской истории РАН сектор источниковедения, в котором ранее готовились публикации актов, разрядных книг и других источников.

В.Н. Козляков

Примечания

¹ Емельян Пугачев на следствии. Сборник документов и материалов. М., 1997; Памятники Смутного времени. Тушинский вор. Лич-

ность, окружение, время. Документы и материалы. М., 2001.

² Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 3. М., 1822. № 132. С. 442; Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 3. СПб., 1848. № 73. С. 261–264; Т. 6. СПб., 1857. № 138. С. 419–427; *Соловьёв С.М.* Письмо самозванца Тимошки Акиндинова к дворянину Василию Унковскому, приехавшему в Чигирин послом от царя к гетману Богдану Хмельницкому в 1650 году // *Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым.* М., 1859. Т. 1. С. 160–161; *Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трёх томах.* Т. 2. М., 1954. С. 181–186, 189–191, 342–348, 375–378, 399, 410–421, 427, 464, 466–467, 490.

³ См. перечень конференций и изданий на сайте Центра русистики: www.russtudies.hu

⁴ См.: Самозванцы и самозванчество в Московии. Материалы Международного научного семинара. Будапешт, 2010.

⁵ См.: *Ключевский В.О.* Сочинения. В 9-ти т. Т. 3. М., 1988. С. 55.

⁶ См. подробнее: *Козляков В.Н.* Лжедмитрий I. М., 2009. С. 34–38.

⁷ См.: *Ламкина Г.П.* Самозванство в XVII веке: идеологическое и социально-политическое содержание. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 23–27.

⁸ «Знак», в том числе в значении царский знак. См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. 1. СПб., 1893. Стб. 220.

⁹ См.: *Вовина-Лебедева В.Г.* Новый летописец с продолжением до 1645 г. // *IN MEMORIAM: Сборник памяти Я.С. Лурье.* СПб., 1997. С. 300–301.

¹⁰ Д.В. Лисейцев в комментарии справедливо указывает на мценских землевладельцев Кривцовых, но, возможно, речь шла о встречающемся в это время в источниках болховском выборном дворянине Семёне Кривцове.

¹¹ *Томенцев И.О.* Список сторонников царя Василия Шуйского (Новая находка в Шведском государственном архиве) // *Археографический ежегодник за 1992 год.* М., 1994. С. 318.